

М. Горькій о самоубійствѣ.

Въ послѣднемъ номерѣ журнала „Запросы Жизни“ находимъ откликъ Максима Горькаго на анкету о самоубійствахъ, предпринятую недавно „Виржевыми Вѣдомостями“.

М. Горькій даетъ слѣдующій отвѣтъ на вопросъ о жизни и смерти:

Я увѣренъ, что видѣлъ и вижу въ жизни грязи, лжи и всяческой скверны не меньше, а больше, чѣмъ Арцыбашевъ, Андреевъ и Сологубъ, взятые вмѣстѣ. Это—не бахвальство, никто не смѣетъ упрекнуть меня въ хвастовствѣ,—просто я знаю, что кругъ моихъ наблюдений шире, чѣмъ кругъ наблюдений г.г. пессимистовъ, и я не имѣю основаній считать себя человѣкомъ меньше грамотнымъ, чѣмъ они.

Я тоже хорошо знаю, что, когда истрачу все силы на утвержденіе жизни, то непременно умру. Но я глубоко увѣренъ, что послѣ моей смерти міръ станетъ не меньше, а болѣе интереснымъ, еще богаче красотой, разумомъ и силою творчества, чѣмъ былъ при моей жизни.

„Благословенъ законъ бренности, гѣчно обновляющій дни жизни!“ Это прекрасное молитвословіе Келлермана нельзя считать молитвою мытаря и въ ней нѣтъ ни звука отъ фарисея; это—молитва человѣка, который любитъ жизнь и любитъ ея—ея ростомъ вверхъ и вширь.

Мнѣ неизвѣстно, дѣйствительно-ли смерть навсегда неустранима,—я не вижу границъ творческимъ силамъ разума и воли.

Не впадая въ логическое противорѣчіе съ самимъ собою, я не могу признать, что въ міръ существуетъ нѣчто непознаваемое,—я могу только сказать, что въ міръ существуетъ непознанное разумомъ.

Только знаніе даетъ право говорить, что „знаніе—ложно.“ но, говоря такъ, оно имѣетъ въ виду не сущность свою, а формы; подъ „ложнымъ“ знаніемъ я не разумѣю ничего кромѣ мистическихъ догадокъ или „рабочихъ гипотезъ“, ставшихъ невѣрными, излишними, а потому—вредными. Мы бунтуемъ противъ знанія лишь потому, что мало знаемъ.

У меня нѣтъ основаній полагать, что воспринимающій и мыслящій аппаратъ человѣка навсегда останется такимъ, каковъ

работы; этому же закону должно подлежать вещество мозга и нервовъ.

Съ каждымъ годомъ въ мѣрѣ скопляется все болѣе энергіи и мысли, и я увѣренъ, что эта энергія, будучи, можетъ быть, физически родственна свѣту и электричеству, но обладая свойствами, исключительно ей присущими, будетъ способна со временемъ вызывать къ жизни явленія, которыхъ мы въ наше время не можемъ себѣ представить.

Устраните классовую борьбу, поддерживающую въ человѣкѣ зоологическіе инстинкты жадности, страха, злобы, устраните социальное неравенство, и это, облегчивъ переходъ физической энергіи въ духовную, — увеличитъ въ мѣрѣ количество, улучшитъ качество интеллектуальныхъ силъ.

Для меня нѣтъ рѣшенныхъ вопросовъ, нѣтъ неизблемыхъ истинъ, кромѣ одной: человечество есть неизсякаемый источникъ творчества. И когда оно, овладѣвъ всѣмъ опытомъ прошлаго и настоящаго, равномерно распредѣлитъ въ мѣрѣ всѣ плоды своей духовной работы, создастъ условія для свободнаго и всесторонняго развитія личности, — оно испытаетъ радости, намъ невѣдомыя, обогатитъ планету нашу красотой, нами невысказанной.

Личность есть горящая вершина огромной пирамиды опыта. Чѣмъ шире ея основаніе, тѣмъ болѣе она вовлекаетъ въ себя этотъ живой опытъ, тѣмъ ярче, неугасимѣе и прекраснѣе ея горѣніе. Человѣкъ достоинъ идеализации; про насъ, — поскольку мы хорошо сторимъ и оставимъ по себѣ яркія воспоминанія, — наши потомки расскажутъ множество красивыхъ легендъ.

„Тотъ человѣкъ, который съ радостью даетъ много, самъ радуется дару и наслаждается душою“, — сказано у Гезіода.

Жизнь не остановилась, не остановится, не можетъ остановиться, и не на вѣкъ намъ духовная усталость, которую мы переживаемъ послѣ трудовъ, понесенныхъ нами!

Подчиняться усталости не слѣдуетъ и надобно слѣдить, чтобы молодыя наши силы не уставали преждевременно.

Берегите юношество, если хотите имѣть въ странѣ здоровыхъ людей. Опирайтесь на демократію, если хотите твердо стоять на ногахъ.

А въ концѣ-концовъ —

Счастливъ, кто посѣтилъ сей мѣръ
Въ его минуты роковыя;
Его призвали Всеблагіе,
Какъ сотрапезника на пиръ.

Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель;
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ.